

ного, «снимет» жесткость оппозиции между логико-понятийным (абстрактным) и художественно-образным (чувственным), продемонстрировав возможности репоэтизации и выработав тем самым новые стратегии взаимодействия между философией и искусством, обогащенные опытом предшествующей традиции.

Будучи весьма продуктивными в плане разработки новых антропологических перспектив в пространстве постнеклассики, прафеномен философско-художественного синкретизма и логика паратекста позволяют отойти от новоевропейской традиции жесткого различения и противопоставления философии и искусства и актуализировать основания их глубинных связей и взаимных влияний в культуре современного нам рубежа веков.

Источники и литература

1. В современной отечественной теории системная разработка этой темы принадлежит М. С. Кагану в работах «Системный подход к комплексному изучению искусства» (1980), «О методологическом своеобразии гуманитарного знания» (1986), «Методологические проблемы современной философии» (2002), см.: Каган М.С. Избранные труды. Т. 1. Проблемы методологии. – СПб., 2006, а также в других его исследованиях: «Культура – философия – искусство» (М., 1988, в диалоге с Т. В. Холостовой), «Взаимоотношения наук, искусств и философии как историко-культурная проблема» (1995), «О двух формах воплощения идей» (2001), «К истории взаимоотношений искусства и философии» (2001) и др. Упомянутой выше теме посвящены книги и монографии: Зись А.Я. Философское мышление и художественное творчество (М., 1987); Бранский В.П. Философия и искусство (Калининград, 1999); Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность (СПб., 1999); Капустина Л.Б. Философия и искусство: логика паратекста (СПб., 2004).
2. См. главу «Философия как научно-вненаучное знание: опыт реконструкции архаических моделей» в упомянутой выше монографии автора настоящей статьи.

Кочнова О.А.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕНТАЛИТЕТА УКРАИНСКОГО НАРОДА

Целью данного исследования является культурологический анализ благотворительности в социокультурном пространстве украинского региона. Задачи исследования: – рассмотреть социально-культурную роль благотворительности в украинской истории;

- ответить на вопрос, что же понимается под словосочетанием «украинский менталитет»;
- дать характеристику феномену «благотворительность» как составляющей менталитета украинского народа.

Рассмотрение социально-культурной роли благотворительности достаточно актуально в наше время, когда происходит возрождение традиций благотворительности и активизация частных лиц в деле призрения нуждающихся в странах СНГ и в Украине в частности. Основы благотворительности были основательно разрушены, поэтому при создании современной системы общественного и частного призрения следует обратиться к комплексному анализу благотворительности как явления культуры.

В Древней Руси этическая сторона помощи человеку не представляла собой отдельную отрасль знаний и не существовало специальных произведений, посвященных этому вопросу. Этические взгляды на проблемы помощи и взаимопомощи существовали только в контексте норм человеческого общежития. Их зарождение и сущность можно в некоторой степени проследить в древнейших памятниках восточнославянского фольклора и литературы, в которых сформулированы эквиваленты «золотого правила этики»: «Как аукнется, так и откликнется», «Не рой яму другому – сам в нее упадешь», «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» и др. Для славян, традиционно живших в атмосфере коллективизма и взаимопомощи, смысл и сущность заветов новой для них христианской религии относительно помощи нуждающимся были, несмотря на негативное восприятие самой религии, не чем-то новым, привнесенным извне, а скорее логическим продолжением вековых народных традиций, вследствие чего именно эта часть христианского вероучения была воспринята народом как должное [6]. Для славян было естественным и требование не выставлять напоказ свою благотворительную деятельность, творить добрые дела по зову сердца, а не из корыстной надежды на последующее воздаяние. Взаимопомощь, помощь нуждающимся в силу образа жизни, обусловленного природно-географическими и экономическими условиями, для славян-язычников были так же естественны, как сама жизнь. Чуткость, нежность во взаимоотношениях между людьми вызывали удивление у путешественников, которые бывали в этих местах [3]. Литературные памятники Киевской Руси рассказывают о благородных поступках наших далеких предков. Утверждая христианство на Руси, князь Владимир призвал людей заботиться о своих ближних, относиться к ним с благородством. В 966 г. князь Владимир поручил православной церкви заботу о нуждающихся и определил средства на их содержание и поддержку. Однако, в отличие от первобытного славянского альтруизма, православная доктрина помощи ближнему основана на иных ценностях. Если в период языческой Руси славяне оказывали помощь нуждающимся для того, чтобы сохранить целостность и жизнеспособность рода, то православие требует оказывать помощь страждущим потому, что для дающего милостыню или оказывающего другую помощь это наиболее надежный способ обрести Царствие Небесное. Таким образом, можно отметить, что, несмотря на внешнее сходство этических норм в отношении действий, цель и сущность их различались. Украинский историк М. Аркас писал, что Ярослав Мудрый, Владимир Мономах стремились развивать благотворительность, придавали ей организованный характер. К примеру, князь Ярослав Мудрый создал сиротское училище, где опекал 300 подростков, а князь Владимир Мономах создал «Поучение» своим по-

томкам об их социальном поведении [1].

Больших успехов в деле благотворительности Украина достигла в XVI–XVII вв., благодаря православным братствам, созданным в городах Львове, Остроге, Киеве, Галиче, Кременце, Луцке, Виннице и многих других городах. Эти братства открывали школы, православные церкви, больницы, библиотеки, типографии. Большинство обязанностей в братствах люди выполняли бесплатно, на добровольной основе. Именно в это время активизирует свою деятельность князь Василий-Константин Острожский из города Острог. На собственные средства князь Острожский основывает типографию, приглашает к себе ученых и просветителей, печатника Ивана Федорова и с их помощью в 1581 году издает "Острожскую Библию". В этой же типографии вскоре выходят произведения полемистов Василия Сурожского, Герасима Смотрицкого, Христофора Филарета, а также пособие для изучения славянского и греческого языков "Букварь". Князь создал школы в Турове, Слуцке, Владимире-Волынском, а в 1576, впервые в Украине, основывает Острожскую академию. Первым ее ректором стал Герасим Смотрицкий. Из стен Академии вышли выдающийся гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, ученый Мелетий Смотрицкий. Пример Острожской академии через десятилетия наследует Киево-Могилянский коллегийум. Школы нового типа появляются в Харькове и Чернигове. Благодаря меценатской деятельности выдающихся людей Украины XVII века была создана Киево-Могилянская академия. Галка Гулевичвна подарила свою собственную усадьбу на Подоле, чтобы построить там помещение для школы и госпиталь для бедных людей. Школе Киевского братства большую помощь оказывал гетман Сагайдачный, завещавший часть своего имения братству с требованием, чтобы на доходы пригласили ученых из Греции и «учили деток православных и воспитывали студентов ученых» [2]. На расцвет Киево-Могилянской Академии в значительной мере повлиял выдающийся просветитель, культурный и церковный деятель Киевский митрополит Петр Могила. Он добился открытия школ-филиалов Академии в Кременце и Виннице. Могила давал средства на содержание и обучение бедных студентов, построил для них общежитие, предназначенное «прежде всего для наиболее беднейших воспитанников, круглых сирот и таких, которые с малолетства остались без родителей и родственников своих» [5]. Могила передал Академии все свое богатство: 6 сел, собственные дома, дорожную посуду, свою библиотеку.

В дальнейшем в Украине основы благотворительности формировались по примеру западных филантропических обществ, основываясь на православных традициях любви к ближнему. В период наибольшей заинтересованности государства в частном жертвователе милостыня богобоязненного человека приобретает иные цивилизованные формы. Это выражается в щедрых пожертвованиях государству на дело призрения и в основании большого количества богоугодных заведений, училищ, школ. Эти учреждения светского типа были альтернативными по отношению к монастырским и приходским богадельням, приютам.

Осуществляя политику русификации Малороссии, или, как ее еще тогда называли, Юго-Западного края, Николай I принимает решение укрепить здесь влияние великорусского капитала и делает в связи с этим весьма привлекательными предложения крупнейшим представителям российского купечества. Привлеченные обещанными льготами и радужными перспективами развития своих дел в условиях богатого края и еще недостаточно освоенного рынка, в Малороссию, и в частности в Киев, в начале 30-х годов XIX века переезжают представители крупных купеческих фамилий – Елисеевы, Черновы, Дегтерева. Большинство из них были калужане и выходцы из Брянщины. Не у всех из них дела на новом месте пошли на лад, и им в разное время пришлось возвратиться. А вот семейство Дегтеревых не только успешно освоилось в новых условиях, но и значительно укрепило и расширило свое дело. Глава переехавшего семейства Михаил Дегтерев и его сыновья Тимофей и Парфентий издавна были известны в России как крупные бизнесмены в области торговли железноскобяными товарами. Надо при этом сказать, что к моменту переезда в Киев торговый дом Дегтеревых отметил двухсотлетие своего существования.

В июне 1883 года, выступая на заседании городской думы, один из виднейших представителей рода Дегтеревых, Михаил Парфентьевич Дегтерев заявил о своем желании основать богадельню на 40 неимущих православных христиан. Для этой цели он приобретает усадьбу на улице Покровской, рядом с Покровской церковью. На вечное содержание обитателей богадельни Дегтерев перечисляет на банковский счет 100 тысяч рублей с отчислением процентов в пользу открытого им богоугодного заведения. Согласно отчету, за первый год существования в богадельню поступило не 40, как предполагалось, а 63 человека. В 1892 году Михаил Парфентьевич строит на углу Покровской, Андреевской улиц и Боричева тока четырехэтажное здание на 45 бесплатных квартир для бедных и вносит опять же на банковский счет 100 тысяч для содержания его жителей. Заведение это получило в дальнейшем название «вдовый дом». В числе других благотворителей Дегтерев участвует в субсидировании строительства больницы для чернорабочих, выделяя для этой цели 45 тысяч рублей, а затем – 15 тысяч для устройства при ней амбулатории. При учреждении политехнического института им было пожертвовано 15 тысяч рублей на стипендии студентам и такая же сумма при учреждении коммерческого училища. Надо полагать, что свое общественное и гражданское предназначение в силу полученного воспитания Михаил Парфентьевич видел в первую очередь в строительстве и организации богоугодных заведений, заботясь не только о содержании неимущих граждан, но, может быть, в первую очередь об их душах. Действуя именно в этом направлении, он заботился и о душах людей своего круга, призывая их тем самым следовать его примеру. Обо всем вышесказанном свидетельствует завещание Дегтерева, в котором указывается на необходимость строительства одного из крупнейших богоугодных заведений: богадельни и детского приюта. Кроме того, в распоряжение города Михаил Парфентьевич отдавал почти все свое недвижимое имущество и свыше двух миллионов рублей в наличных деньгах и акциях [4].

Необходимо отметить, что социально-культурная роль благотворительности конца XIX – начала XX веков была направлена на устранение первопричины существования нищих путем подъема жизненного и культур-

ного уровней бедных слоев населения. Разнообразные типы богоугодных заведений не только обеспечивали приют, но и давали возможность получить образование, а в дальнейшем и работу. Были созданы специализированные образовательные комплексы для слепых и глухонемых детей, а также был открыт ряд публичных галерей, народных театров, библиотек для всех желающих.

Так же идет процесс слияния двух культур: религиозной и светской. Гармоничное и взаимодополняющее развитие религиозного и мирского во многом проявляется в благотворительной деятельности. Каждый частный или государственный приют, богадельня, больница имели на своей территории домовую церковь. Строевые дополняли друг друга, символизируя единое служение делу милосердия.

Таким образом, явление благотворительности рубежа веков по своей сути феноменально и отлично от традиций нищелюбия в более ранние периоды нашей истории. Эту феноменальность во многом определил новый социально-культурный подход благотворителей-меценатов в деле оказания помощи нуждающимся и сиротам. Благотворительность конца XIX – начала XX веков представлена неким центром сословного единения и активизации жизни общества, подъема национального самосознания.

Обращение к содержанию понятия «менталитет» позволило выделить субъективный фактор, от которого в немалой степени зависит эффективность использования социальной помощи в современном украинском обществе. Что же по сути представляет собой украинский менталитет и существует ли он на самом деле? Данный феномен – одно из самых трудно поддающихся рациональному истолкованию явлений этнической жизни. В последние годы в философской, социологической и исторической литературе вычленилось и прочно устоялось целое направление исследований, посвященных поиску специфических черт украинского этнического менталитета [3]. Прежде всего обратимся к вопросу о хронологических рамках формирования украинского менталитета. Окончательное формирование украинской народности датируется концом XVI – началом XVII веков, однако процесс этот начался несколько ранее – приблизительно с XIII столетия и связан был с политическим разграничением восточнославянских этносов после монголо-татарского нашествия [2]. Однако, дело обстоит гораздо сложнее, поскольку в любой момент этногенеза наличная этносоциальная общность уже опирается на определенный исторический опыт, имеет родовую память, собственный стиль мировосприятия, собственную картину мира, собственные архетипы. В результате к числу ментальных стереотипов украинцев можно отнести тонкое ощущение гармонии человека с природой, лиричность, повышенную эмоциональность, некоторый романтизм. И. В. Бычко называет эту ментальную черту антеизмом (по имени греческого мифологического героя Антея – сына богини земли, который был неразрывно связан с матерью-Землей, постоянно черпая в ней жизненные силы). Украинская земля для ее народа – не только чисто географическое, но и духовное понятие («ненька-Україна») [3].

Одной из характерных черт украинского менталитета является жгучий призыв сердца, который в философии Г. Сковороды и П. Юркевича получил название «кордоцентризм». Кордоцентризм, превосходство "сердца над разумом" отмечают многие исследователи украинского менталитета. Кордоцентризм стал как бы "визитной карточкой" украинской философии, искусства, морали. По словам А. Кульчицкого, кордоцентризм стал своеобразной социопсихической константой, типологически воплотившейся в "селянской" психологии. Однако ей присущи черты не только "селянскости" вообще, но и "климат интимности", зауженность ментальной и поведенческой активности сферой "малых коллективов" (малой семьи, в отличие от большой "патриархальной" семьи в России, круга приятелей и т. п.). Именно тут проявляется кордоцентрическая направленность к "внутренней жизни", которая раскрывается как "способность к товариществу, психологическому пониманию чужой душевной жизни,... способность к интроспекции и наблюдательной настроенности" [7]. Можно предположить, что такая ментальная настроенность характера украинского народа сформировала его природную склонность не только сочувствовать ближнему, но и помогать в трудную минуту, поддерживать не только словом, но и делом.

Именно через менталитет в благотворительности проявляются наиболее существенные особенности мировосприятия человека, формируются глубинные процессы индивидуального и общественного сознания и поведения. Каким же образом проявляется благотворительность в современной Украине, в соответствии с тем мировосприятием, которое мы назвали в работе «украинский менталитет»? Исторически так сложилось, что в настоящее время отношение к понятию «благотворительность» в среде наших соотечественников неоднозначное. Мы разделяем содержание понятий «милосердие» и «благотворительная деятельность». Милосердие – это зов души, ее самое чистое проявление, основанное не только на христианской любви и сострадании к ближнему, но и, в данном случае, на «жгучем призыве сердца», о котором говорилось выше; на социально и исторически обусловленной корпоративной помощи наших сограждан; на тонком чувстве гармонии с социумом и т. п. Что же касается именно благотворительной деятельности, то здесь отношение несколько иное. Если в словаре Брокгауза и Ефрона благотворительность определяется как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему» [10], то в современном украинском обществе благотворительная деятельность обросла всевозможными верными и неверными слухами, которые, в свою очередь, повлияли на изменение отношения к данному феномену. К середине 2006 года в Украине насчитывалось более четырех тысяч благотворительных организаций, большая часть которых находилась в Киеве, Киевской, Донецкой, Харьковской областях, а также в Автономной Республике Крым. Деятельность всех этих организаций окружена мифическим ореолом.

Существует миф, который утверждает, что благотворительность – дело богатых людей. Благотворительность – это тот вид деятельности, который изначально определяется как добровольный, поэтому здесь вообще неуместно слово "должен". Речь в данном случае идет не о долге, а о личной ответственности каждого из нас. Социально благополучный человек заинтересован в том, чтобы жить в обществе, которое в целом социально благополучно, а потому для него естественно стремление делиться с другими тем, что у него есть хорошего,

причем далеко не всегда речь идет о чем-то материальном.

Помогать материально – это самый простой вид помощи. Он не требует ни затрат времени, ни организационных усилий. Человек просто расстается с некоторой не очень значимой для него суммой денег, и все. Не хотелось бы принижать значимость материальной помощи, потому что во многих случаях, например, когда речь идет о спасении жизни больного ребенка, которому необходимо дорогостоящее лекарство, его действительно могут спасти только деньги. Просто деньги – это, по счастью, не единственная субстанция, которую можно конвертировать в добро.

Другое мнение: благотворительные фонды создаются для того, чтобы отмывать деньги и уходить от налогов. К сожалению, происхождение этого мифа основано не только на мнительности наших сограждан, но и на вполне конкретных фактах. То, что в стране процветает тотальное воровство, известно еще со времен Карамзина, однако не стоит забывать, что речь в том случае, когда имеет место воровство, фактически идет о нарушении действующего законодательства. Если у нас что-либо украли, не можем же мы после этого всех считать ворами.

Что до деятельности благотворительных фондов и организаций, подозреваемых в воровстве у граждан, то они обязаны ежегодно публиковать отчет о своей деятельности. Как правило, если фонд работает на принципах честности и открытости, он по собственной инициативе делает это гораздо чаще, что позволяет каждому узнать, куда пошли его деньги, и, при желании, проверить лично.

Действительно ли настоящая благотворительность должна быть анонимной? Есть точка зрения, основанная на Евангелии, что правая рука не должна знать, что делает левая, и потому каждый, кто хочет признания за свои благие дела, неискренен в своих порывах и небескорыстен. Есть, конечно, такие люди, которым нравится быть хорошими и получать благодарность за свои деяния, но речь тут не о них, а о тех, кто помогает искренне, коих, все-таки, по счастью, большинство. Желание конкретного человека оказать адресную помощь и при этом остаться неназванным достойно уважения как позиция (он действительно делает это не ради общественного признания, а по сугубо личным мотивам), но, если мы хотим не только разово помочь, но и привлечь внимание общества и государства к социальным проблемам, решать их молча никак не получится.

Воспитывает ли благотворительность потребительское отношение к жизни? Такое возможно. Однако, в конечном итоге, все зависит от того, какие формы она принимает.

Продуманная, системная благотворительность реализует принцип "помоги и научи". Волшебная формулировка "не только накорми рыбой, но дай удочку и научи ею пользоваться" растиражирована во всех пособиях по благотворительности, и лучше пока не сказал никто [6]. Грамотная благотворительность предоставляет не только помощь в экстренных случаях, но дает умения и навыки, способствует самостоятельности благополучателя в решении его проблем. Таким образом, можно сказать, что благотворительность – это устойчивый стереотип поведения народа, сложившийся под влиянием многих факторов, в том числе социальных, и проявляющийся в виде разнообразных способов поведения человека, особенно в сложных критических ситуациях.

Источники и литература

1. Аркас М. Історія України-Русі. – К.: Вища школа, 1993. – 395 с.
2. Грушевський М. Історія України. – К.: Либідь, 1992. – 115 с.
3. Гудзь В.В. Національний менталітет і перспективи державотворення в Україні // Менталітет та протиріччя сучасного українського суспільства: політологічні, соціологічні, культурологічні аспекти // Тези доповідей та виступів загальноукраїнської науково-практичної конференції. – Запоріжжя, 1994, Част. 2. – 26 с.
4. Добродійність в Україні: минуле, сучасність, майбутнє / под ред. В. Халецького. – К.: Гурт, 1998. – 56 с.
5. Ильевич С. Песня про купца Дегтерева. // Зеркало недели №25 (38), 1995.
6. ИА REGNUM. Тульчинская Т. Семь мифов о благотворительности. /www.regnum.ru/news/645071.html
7. Кульчицький О. Основи філософії і філософічних наук. – Мюнхен – Львів: Либідь, 1995. – 157 с.
8. Хижняк З.І. Києво-Могилянська академія. – К.: Вища школа, 1991. – 264 с.
9. Этика социальной работы. Учебное пособие для вузов под ред. Г. П. Медведева – М.: Гардарики, 1999. – 206 с.
10. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 82-х т.
11. <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/121/>

Крылов В.С., Крылов Д.В.

СИНЕРГЕТИКА КРЫМА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Проблемы развития современного мира как динамической системы в последнее время связываются с пониманием того, что необходима новая парадигма в выявлении социально-экономических взаимосвязей, организации социальных структур, взаимодействии различных национальных экономических систем и т. д. Например, для устойчивого развития страны или региона все большее значение приобретают так называемые наукоемкие высокотехнологические отрасли, породившие принципиально новые экономические процессы. Их невозможно объяснить с позиций обычной, «линейной» экономики, когда затрачиваются миллиарды на изготовление прототипа и организацию производства изделий «копеечной» стоимости, но таких изделий, когда возврат затраченных средств происходит очень быстро, а массовость потребления в два – три раза покрывает затраты. Экономика современного мира – «нелинейная экономика. Например, распространение персональных компьютеров, мобильных телефонов и т. д. относятся к типичным примерам «нелинейной» экономики. В то